

Воспоминания книготорговца. Джордж Оруэлл

Когда я работал в букинистическом магазине (том самом, что со стороны представляется маленьким раем, где обаятельный старый джентльмен вечно роется в кожаных фолиантах), меня больше всего поражало, как мало настоящих любителей книги. В нашем магазине были очень интересные фонды, но едва ли десять процентов наших покупателей отличали хорошую книгу от плохой. Снобы, гонящиеся за первыми изданиями, попадались гораздо чаще, чем любители литературы; много было восточных студентов, приценивающихся к дешевым хрестоматиям, но больше всего – растерянных женщин, ищущих подарки ко дню рождения племянников. Большинство наших посетителей были из тех, что досаждают везде; но книжные магазины для них особенно привлекательны. Например, славная старая леди, которой «нужна книга для инвалида» (кстати, очень распространенная просьба), или другая почтенная леди, которая прочитала «такую замечательную книгу» в 1897 году и спрашивает, не можем ли мы ее достать. К несчастью, она не помнит ни названия, ни автора, ни содержания, но вспоминает, что у книги был красный переплет. Есть еще два хорошо известных типа людей, тиранящих каждый букинистический магазин. Один – опустившийся старик, пахнущий заплесневелыми сухарями, который приходит ежедневно, порой по несколько раз в день и пытается продать вам никому не нужные книги. Другой заказывает огромное количество книг, за которые не имеет ни малейшего намерения платить. В нашем магазине ничего не продавалось в кредит, но мы могли откладывать книги или заказывать их для людей, которые обязывались их вернуть. Почти половина тех, кто заказывал у нас книги, никогда за ними не приходила. Сначала это поражало меня. Зачем они это делали? Они приходили, заказывали редкие, дорогие книги, напоминали нам о них несколько раз и потом исчезали навсегда. Многие из них, конечно, были чистыми параноиками. Они говорили о себе в выпретенном тоне и рассказывали самые трогательные истории о том, как они вышли из дому без денег, – истории, в которые они, по-моему, верили сами. В таких городах, как Лондон, всегда много полусумасшедших, слоняющихся по улицам; их словно притягивает к книжным магазинам – одному из немногих мест, где можно долго пробыть бесплатно. Со временем научаешься узнавать таких людей с первого взгляда. За их выпретенными речами проглядывает что-то убогое и растерянное. Очень часто, когда приходил очевидный параноик, мы убирали с полок книги, которые он требовал, и ставили их на место, когда он уходил. Я заметил, что никто из них не пытался унести книги не заплатив; им достаточно было заказать, чтобы почувствовать себя платежеспособными людьми.

Как и большинство букинистических магазинов, мы делали разную побочную работу. Мы продавали подержанные пишущие машинки или, например, марки – я имею в виду использованные марки. Собиратели марок – это странное, молчаливое племя всех возрастов, но только мужского пола: очевидно, женщины не видят особой прелести в заполнении альбомов клейкими кусочками разноцветной бумаги. Мы продавали также шестипенсовые гороскопы, составленные неким субъектом, который уверял, что ему удалось предсказать землетрясение в Японии. Они были в запечатанных конвертах, ни один из них я ни разу не распечатал. Покупатели часто рассказывали, какими «правильными» оказались их гороскопы (разумеется, гороскоп «прав», если он говорит, что вы очень привлекательны для противоположного пола, а главный ваш недостаток – щедрость). Мы делали хороший бизнес на детских книгах, особенно на «распродажах». Современные детские книги ужасны, особенно в массе. Лично я скорее дал бы ребенку Петрония Арбитра, чем «Питера Пэна», но даже Барри[1] кажется мужественным и цельным по сравнению с его позднейшими имитаторами. Под рождество мы проводили десять лихорадочных дней, рассылая рождественские открытки и календари – это дело утомительное, но в конечном счете прибыльное. Это дало мне возможность познакомиться с грубым цинизмом, с которым

эксплуатировались христианские чувства. Фирмы, производящие рождественские открытки, присылали нам свои каталоги еще в июне. В моей памяти застряла одна строчка из накладной квитанции: «Две дюжины Иисуса-младенца с кроликами».

Но главным нашим побочным промыслом была библиотека – обычная библиотека, из тех, что «ни пенни в залог», в пять-шесть сотен томов исключительно художественной литературы. К таким библиотекам равнодушны книжные воры. Нет ничего проще, как украсть в одной библиотеке книгу за два пенса и, стерев цену, продать ее в другой за шиллинг. Тем не менее книжные продавцы считают, что выгоднее лишиться части книг (у нас уносили около дюжины в месяц), чем отпугнуть клиентов требованием залога.

Наш магазин был расположен на границе Хэмпстэда и Кэмден-тауна и посещался кем угодно: от баронетов до автобусных кондукторов. Читатели нашей библиотеки, возможно, были срезом читающей публики Лондона. Поэтому небезынтересно, кто был самым «востребуемым» автором нашей библиотеки. Пристли? Хемингуэй? Уолпол[2]? Вудхауз[3]? Нет! Этель М. Делл на первом,[4] Уорвик Дипинг – на втором[5] и Джеффри Фернол на третьем месте[6]. Романы Делл читали, конечно, только женщины, но женщины всех типов и возрастов, а не только тоскующие старые девы и толстые вдовы табачных киоскеров, как принято считать. Неверно, что мужчины вообще не читают романов, но есть тип романа, который они избегают. Так называемый средний роман – то есть обычный, плохо-хороший, разбавленный Голсуорси, ставший нормой английского романа, – кажется, существует только для женщин. Мужчины читают или солидные романы, или детективы. Но потребляют они детективы в чудовищном количестве. Один из наших читателей поглощал четыре-пять детективов в неделю в течение года только в нашей библиотеке (он брал их и в другой!). Больше всего меня удивляло, что он никогда не перечитывал книг. Весь этот внушительный поток макулатуры (прочитанные им за год страницы, я думаю, могли покрыть собой три четверти акра) навсегда оседал в его памяти. Не запоминая ни названий, ни авторов, он, едва взглянув на книгу, определял, прочитана ли она.

В библиотеке вы познаете реальные вкусы людей, а не их вкусовые претензии и удивляетесь полному забвению классических английских романистов. Совершенно бесполезно держать в обыкновенной библиотеке Диккенса, Теккерея, Джейн Остин, Треллопа и т. п. – их никто не возьмет. Едва открыв роман девятнадцатого века, люди говорят: «О, это старье!» – и немедленно закрывают его. Однако продать Диккенса и Шекспира почти всегда нетрудно. Диккенс – один из тех авторов, которого люди всегда «собираются прочитать» и о котором, как о Библии, имеют некоторое представление. Они знают понаслышке, что Билл Сикс был вор-взломщик и что мистер Микобер был лысым, так же как они знают понаслышке, что Моисей был найден в камышовой корзине и что он закрыл свое лицо, чтобы не смотреть на Бога... Другая бросающаяся в глаза вещь – растущая непопулярность американских книг. И еще одна – издатели испытывают ее последствия каждые два-три года – непопулярность рассказов. Люди, приходящие в библиотеку, обычно начинают со слов: «Только не рассказ» или, как говорил один наш немецкий завсегдатай, «Я не желаю читать маленькие рассказы!». Если вы поинтересуетесь почему, вам ответят, что утомительно каждый раз знакомиться с новыми персонажами, а вот когда «войдешь» в роман в первой главе, дальше уже все знакомо. Я все же думаю, что здесь скорее виноваты писатели, чем читатели. Многие современные рассказы, английские и американские, более безжизненны и тусклы, чем романы. Настоящие рассказы достаточно популярны – рассказы Д. Лоуренса читаются так же, как его романы.

Хотел ли я быть профессиональным продавцом книг? В конечном счете – несмотря на

доброту моего хозяина и счастливые дни, которые я провел там, – нет.

Достаточный и разумно используемый капитал дает возможность образованному человеку обойтись без этого. Тем не менее туда идут в поисках «редких» книг. Научиться этому делу несложно, а если вы что-то знаете о содержании книг, то это сразу обеспечивает успех. (Большинство продавцов книг не знают. Это легко обнаружить, посмотрев их заказы. Если вы не встретите там «Упадок и разрушение» Босуэлла, то уж обязательно встретите «Мельницу на Флоссе» Т. Элиота[7]. К тому же это гуманная профессия, которую можно вульгаризировать только до определенной степени. Синдикаты никогда не смогут вытеснить маленького независимого книготорговца, как они вытеснили бакалейщика и молочника. Но рабочий день там очень долг: я был занят там только часть дня, но мой хозяин работал 70 часов в неделю, не считая постоянных поездок за книгами. Это нездоровая работа: как правило, в книжном магазине холодно, потому что в тепле окна запотевают, а окна – это витрина. К тому же ни один предмет не собирает столько ядовитой пыли, как книги, и нигде так охотно не умирают мухи, как на книжных корешках. Но главное, из-за чего я не выбрал профессию книжного продавца, – то, что именно там я перестал любить книги. Обманывая покупателей, продавец переносит на книги связанные с этим неприятные ощущения; еще острее они оттого, что приходится постоянно протирать книги и переставлять их с места на место. Когда-то я действительно любил книги – любил их вид, их запах, прикосновение к ним, особенно если они были старше полувека. Не было большей радости, чем купить кучу книг за шиллинг на деревенском аукционе. Есть особая прелесть в потрепанных неожиданных находках этой коллекции: забытые поэты восемнадцатого века; газеты прошлых лет; разрозненные тома забытых романов; подшивки женских журналов «шестидесятых». Для случайного чтения – например, в ванне, или поздно ночью, когда вы так устали, что не можете уснуть, или в случайно выпавшие четверть часа перед ланчем – нет ничего лучше последнего номера «Газеты для девочек». Но с тех пор, как я стал работать в книжном магазине, я перестал покупать книги. Когда их видишь постоянно, массой в пять – десять тысяч томов, книги утомляют и даже слегка надоедают. Теперь я покупаю их по одной, от случая к случаю, и это всегда книга, которую я хочу прочитать и не могу ни у кого занять. И я никогда не покупаю старья. Сладостный запах ветхой бумаги потерял для меня свое очарование. В моем сознании он слишком близко связан с параноидальными посетителями и мертвыми мухами.

1936 г. [8]

Примечания

1 Барри Джеймс Мэтью (1880-1971) – шотландский драматург и романист. Пьеса-сказка «Питер Пэн» (1904) популярна до сего дня.

2 Уолпол Хью (1884-1941) – писатель натуралистической школы, последователь У. Троллопа. Получил широкую известность после публикации романа о мрачной и убогой жизни провинциальных учителей «Мистер Перрин и мистер Трейл» (1911).

3 Вудхауз Грэхэм Гренвилл (1881-1975) – автор сатирических романов с несколькими постоянными персонажами, особенно популярны были: «Псмит – журналист» (1915) и «Оставим это Псмиту» (1923).

4 Дэлл Этель (1881-1933) – английская писательница, сочинительница популярной беллетристики.

5 Дипинг Уорвик (1877-1950) – английский писатель, автор приключенческих и детективных романов.

6 Фернол Джеффри (1878-1952) – автор популярных исторических романов детективного характера.

7...«Упадок и падение» Босуэлла... – Автор высмеивает неграмотность книготорговцев. «Упадок и падение Римской империи» – труд английского историка Э. Гиббона. Роман «Мельница на Флоссе» принадлежит перу писательницы Джордж Элиот.

8 Работа в книжном магазине обострила интерес Оруэлла к проблемам массовой культуры. Особенностью Оруэлла как читателя и критика была органичная широта вкуса: "Он любил Диккенса и Уэллса так же, как Джойса и Миллера" (Crick В. Op. cit., p. 250). По воспоминаниям современников, в среде авангардной литературной интеллигенции Оруэлл воспринимался как "старомодный эксцентрик, без конца говорящий о Диккенсе, Сэмюэле Батлере и Гиссингсе и несколько нелепый в своем коллекционировании лубочных открыток и чтении детских комиксов" (Crick В. Op. cit., p. 264).